

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 7 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте переводы классических текстов русской литературы XIX века на словенский и сербский языки. Выполните задания.

1. [10 баллов] Догадайтесь, какие тексты русской литературы представлены данными переводами. Укажите авторов и названия произведений.
2. [10 баллов] Переведите по возможности на русский язык несколько фраз из первого фрагмента. Прочитайте по-русски несколько стихотворных строк или строф из второго текста.
3. [20 баллов] Напишите небольшое (10–12 предложений) рассуждение: «Легко ли быть переводчиком?»

В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»
(В.А. Жуковский).

«Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу» (Б.Л. Пастернак).

Оцениваются: точность аргументации, количество ссылок на названия и тексты художественных произведений, грамотность.

А.

VOLKODLAK

Hrabri Vanija koraka
Neki dan domu na noč,
Ino mrzlo pot pretaka
Sam skoz mirodvor gredoč.
<...> Vanija strahu trepeče,
Da se ježi las mu vsak,
Misli si, da gloda – žveče
Mrtvih kosti volkodlak.
<...> Je li volkodlak tam sedel?

Vanija – prestrašno res!
Mirno na grobovih snedel
Vkradene kosti je – pes!
(Перевод на словенский И. Весела)

Б.

ЈЕДРО

Бела са једро усамљено,
Кроз плаву маглу мрешка сјај!..
Што се по свету недогледном?
Што остави свој родни крај?

Таласи пљуште, урла ветар,
Јарбол се повия ко прут...
Не тражи оно срећу светом,
Нит га од среће води пут!

Под њиме плаве воде јуре,
Над њом је јарког сунца вир...
А оно вечно тражи буре,
Као да буре даје мир!

(Перевод на сербский М. Митровича)

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Это задание содержит два варианта. Выберите **ТОЛЬКО ОДИН** из них.

Вариант 1. Прозаический текст

Прочитайте рассказ. Напишите сочинение об этом рассказе, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 200–300 слов.

Нина Сергеевна Дашевская (род. 1979)

КРЕНДЕЛЬКОВ

Мама ходила к директору, спорила, доказывала – бесполезно.

Дело в том, что в июне умер Лев Миронович Штайн, Тимкин учитель скрипки. Тимкино горе – первое такое большое, настоящее горе – как будто уже затёрлось, заплескалось морем, закаталось велосипедом. Но сейчас, в сентябре, он с особенной ясностью понял, что никогда больше не придёт к Штайну на урок. В его особенный дом: высоченные потолки, медные ручки шкафов, пластинки, книги – на русском, немецком, шведском. Рояль с букетом сухих листьев. И сам Штайн в высоком кожаном кресле – огромный, седой. Ему трудно было ходить, и Тимка по-хозяйски заваривал чай, разливал по звонким чашечкам...

Всё, больше этого не будет. И главное – нужно идти на урок к совершенно чужому человеку. Кренделькову какому-то. «У кого учишься?» – «У Кренделькова...» Жуть. И откуда он вообще взялся?

Мама доказывала директору:

– Ведь это уму непостижимо – в шестом классе переводить мальчика на виолончель!

Тот оправдывался – не хватает учителей по скрипке, а у Тимы большие руки, виолончельные. Но дело было не только в этом. Просто директору хотелось, чтобы в школе был оркестр, а оркестра без виолончели не бывает. Раньше учителей не было, а тут – на тебе, Крендельков! «Молодой, перспективный»... Этого ещё не хватало.

– Чудный инструмент – основа оркестра, фундамент... Может, вам понравится. Вы бы попробовали хотя бы на один год!

– На полгода, – устало согласилась мама.

Тимка вспомнил один концерт – там на виолончели играла тётенька с некрасивым лицом. Пум, пум... Фундамент. А Тимка не хотел быть фундаментом! Он хотел быть звонкой первой скрипкой, тем более что теперь, в шестом классе, он вполне мог бы быть первым! Эх, Крендельков-Коврижкин...

– Не переживайте вы так, – уговаривал папа. – Может, он не так плох, как вы думаете!

На самом деле оказалось ещё хуже.

Антон Петрович Крендельков, на вид – лет семнадцать. Маленький, щуплый, в очках, уши торчат... Антошка-картошка. На первом уроке он был в красной футболке с Чебурашкой (вернее, с «ЧеБурашкой» в военном берете и с усами, как у Че Гевары). Смешная, в общем, футболка. Только Тимке не до смеха. Он с первого взгляда невзлюбил в этом Кренделькове всё – от дурацкой майки до очков, до оттопыренных ушей. Коржиков-Карамелькин...

И виолончель тоже невзлюбила Тимку. Огромная, неповоротливая, она мучила его упражнениями и детскими песенками. А ведь на скрипке он уже играл Баха, Вивальди – настоящую музыку! Крендельков маялся с Тимкой, со скрипичным поворотом его руки. А Тимка построил против него как бы стенку; почти не разговаривал, просто кивал, и всё. И ждал Нового года – когда кончится это мученье! Тогда директор пусть делает что хочет. Если не найдет ему учителя скрипки – всё, до свидания! Бросит школу, и всё.

– Закрути эту ноту, как подачу в теннисе. Понимаешь?

Тоже мне, спортсмен! Тимка с тоской вспоминал Штайна, его речь... а тут – теннис. Чего взять с этого Коврижкина!

Ну ничего, уже декабрь – осталось чуть-чуть! И всё-таки надо бы позаниматься перед экзаменом. Не то чтобы жалко Кренделькова, просто неловко как-то. Тимка раскрыл дома чехол и обнаружил, что оставил в классе шпиль – тот, которым виолончель упирается в пол. Эх, придётся бежать в школу – может, открыто еще.

Школа близко, десять минут бегом – и на третий этаж. Даже куртку не снял, только стянул шапку с жаркой головы. Кажется, класс открыт. Запыхавшийся Тимка рванул на себя двойную дверь и замер.

В ту же секунду смолк за стенкой настырный рояль, и Тимка услышал виолончель. Такую, какую ещё никогда не слышал. Она не пела, а как будто говорила негромко, и голос её был такой... Словно на всей планете нет ничего, только снег, снег и в лучах фонаря она, виолончель.

Свет был выключен, и Тимка не сразу узнал сидящего у окна Кренделькова. Фонарь слабо освещал его длинный нелепый нос и руки – одна на грифе, другая со смычком. Надо же, какие красивые у него руки! Он продолжал играть, не остановился. И такое лицо у него было... Без очков он выглядел старше. Много старше. Антон Крендельков в мягком свитере, который играет на виолончели. Такой, какого Тимка никогда не видел. И не слышал...

Последний звук растворился в воздухе, улетел в морозную ночь. Крендельков увидел наконец своего ученика.

– А, это ты, – сказал он как-то равнодушно.

– Я... Я шпиль забыл. – Тимка удивился, как обыкновенно звучит его голос. Крендельков кивнул и как будто чуть отвернулся.

– Антон Петрович! А это... это что было?

Он вдруг улыбнулся и как-то потеплел:

– Бах. – Как будто Бах его близкий друг и он рад представить Тимке такого славного парня.

– Можно, я послушаю? – вдруг спросил Тимка.

Крендельков опять кивнул. Тимка прикрыл дверь и сел на краешек стула.

Крендельков играл, а он слушал. Просто слушал и ни о чём не думал.

Антон опустил смычок и посмотрел на Тимку.

– Скучаешь по Штайну?

Тимка вздрогнул. И почувствовал, как стенка – крепкая стенка, которой он отгородился от Кренделькова, – трещит по всем швам.

– Вы его знаете?.. Знали?

– Мы много играли вместе, – кивнул Антон. – Хороший был дядька, настоящий.

И Тимку почему-то совсем не покорило это «дядька». Неужели играли вместе?

А Крендельков вдруг сказал:

– Жаль, что ты уходишь. Да что ты, я же всё понимаю... Не вышло из меня учителя. Я, знаешь, тоже хорош. Всё с тобой, как с маленьким... И понимаю, что плохо, а как надо – не знаю...

Стенка рухнула и разлетелась в пыль.

– Антон Петрович, поиграйте ещё! Пожалуйста!

А экзамен не состоялся. На следующий день Тимку прямо из школы увезли с острым аппендицитом.

Антон бегал к нему в больницу каждый день. Притащил маленький плеер, закачал туда виолончельной музыки.

«Надо же, какой хитрый, – думал Тимка, – хочет меня всё-таки подружить с этой виолончелью!»

Но Антон ничего такого не хотел – просто делился музыкой, которую любил сам.

* * *

– Вот такая штука, – закончил рассказ про своего друга и учителя Тима.

Мы с ним возвращались с концерта, и шёл снег. Много, много снега. Он заметал дорожки Тверского бульвара, и хрупкие снежинки тихо падали на огромного, взрослого уже Тиму и на виолончельный футляр за его широкой спиной.

<2014>

1. Как описан Крендельков? Почему у него такая внешность?
2. Как противопоставлены друг другу Штайн и Крендельков?
3. Как вы понимаете слова «стенка рухнула и разлетелась в пыль»?
4. Как, когда и почему меняется отношение Тима к новому учителю?
5. Зачем в рассказе нужен последний абзац?

Вариант 2. Поэтический текст

Прочитайте стихотворение. Напишите сочинение об этом стихотворении, отвечая на поставленные вопросы (можно ответить не на все вопросы). Пишите **связным текстом**, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 200–300 слов.

Владислав Петрович Крапивин (род. 1938)

* * *

Если вдруг покажется пыльною и плоскою,
Злой и надоевшею вся Земля,
Вспомни, что за дальнею синею полоскою
Ветер треплет старые марселя.

Над морскими картами капитаны с трубками,
Дым пуская кольцами, спорят до утра,
А у моря плотники топорами стукали –
Над ветрами синими рос корабль.

Крутобокий, маленький, вырос, встал на стапели
И спустился на́ воду он в урочный час.
А потом на реях мы паруса поставили,
И, как сердце, вздрогнул наш компас.

Под лучами яркими, над морскими кручами,
Положив на планшир тонкие клинки,
Мы летим под парусом с рыбами летучими,
С чайками, дельфинами наперегонки.

У крыльца, у лавочки мир пустой и маленький,
У крыльца, у лавочки куры да трава,
А взойди на палубу, поднимись до салинга,
И увидишь дальние острова.

<1970-e>

1. В стихотворении много слов-терминов: марселя (прямые паруса), стапели (сооружение для спуска на воду судна), планшир, салинг (детали парусника). Что объединяет эти слова и зачем они употреблены автором?
2. К кому обращается герой стихотворения?
3. Какие противопоставления вы видите в стихотворении?
4. Каким предстаёт морское пространство в этом стихотворении?

Максимальный балл за всю работу – 80.

